

Сенькова Ольга, стажёр-исследователь
Центра Молодежных Исследований НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург
oasenkova@gmail.com

Grassroots феминистская сцена Санкт-Петербурга: инициативы, солидарности, конфликты

В современной России наблюдается консервативный поворот, выстраивается «гибридный» или «мягкий авторитарный» режим, в условиях которого дискурс остаётся «совершенно гендерно нечувствительным» (Johnson, Saarinen 2013). При этом, традиционные ценности конструируются представителями властных элит как противоположность западным. По мнению председателя Конституционного суда России Валерия Зорькина, *«законодательные новеллы, которые объявляют правовой нормой нетрадиционные модели поведения сексуальных и гендерных меньшинств, пытаются уравнивать мужчин и женщин, не принимая во внимание их естественные биологические различия, санкционируют вторжение государственных органов и правительственных организаций во вполне благополучные семьи»*.¹

Современные исследователи гендерной проблематики утверждают, что сегодня консерваторам удалось достичь идеологической гегемонии (Temkina, Zdravomyslova, 2014). В то же время, ужесточение законодательства Российской Федерации влечёт за собой существенные сложности для развития НКО и гражданского общества.

Однако, несмотря на широкое распространение консервативных взглядов, проявляющееся в ужесточении контроля сексуальности, гендерных отношений и репродуктивной политики, сегодня в России наблюдается беспрецедентный рост интереса к феминизму. Об этом свидетельствует постоянно растущее количество подписчиц русскоязычных феминистских пабликов в социальной сети «vkontakte»: например, в группе «Body Positive» состоит 66 836 участниц, «Shut Your Sexist Mouth Up» - 32 222, «сестра сестре! взаимопомощь» - 21 198 (дата обращения – 10.03.2017). Санкт-Петербург представляет собой город с активно развивающимися низовыми феминистскими инициативами не только онлайн, но и оффлайн: активистки организуют феминистские встречи, кинопоказы и дискуссии, художественные выставки и фестивали, 8 марта 2017

¹ <http://www.vedomosti.ru/newslines/top/politics/news/2016/11/01/663227-konstitutsionnogo-muzhchin-zhenschin>

года в центре города прошла самая массовая за последние годы несогласованная феминистская демонстрация, собравшая почти 300 человек².

При этом, в России, как и во многих других странах, наблюдаются характерные для западного феминизма гетерогенность и плюрализм (J. Butler, 1990; b.hooks, 2000; K. Seymour, 2012). По словам информанток, «Феминизм такой же разный, как вся политическая борьба» (И. №2, 30 лет), «есть какая-то сегрегация по вообще культурным полям» (И. №1, 29 лет).

В соответствии с описанной проблематикой, был сформулирован следующий исследовательский вопрос: какие солидарности, противоречия и конфликты возникают внутри низовой (grassroots) феминистской сцены Санкт-Петербурга в условиях консервативного контекста?

В западном научном дискурсе феминизм рассматривается в парадигме новых общественных движений (Della Porta, Diani, 1999), а также с точки зрения квир-теории (Jagose, 1997; Wiedlack, 2013). В современном дебате прослеживается переопределение историчности феминизма: многие исследователи отказываются от концепции «волн», делая акцент на идеологической составляющей движения, формировании нового феминистского субъекта, маргинальной позиции молодёжи в феминистском сообществе (Kempson 2015; Maskay 2015; Guest 2016; Hunt, 2016). В исследованиях, посвящённых российскому феминизму, акцент ставится на движение кризисных центров, связи феминизма с панк-контркультурой, а также на освоение идей постфеминизма в консервативном контексте современной России (Johnson, Saarinen, 2013; Willems, 2014; Salmenniemi, Adamson, 2015).

Работы отечественных социологов сосредоточены преимущественно на истории развития феминизма (Тартаковская 2008; Шнырова 2012; Кондаков 2012; Temkina Zdravomyslova 2014), особое внимание уделяется противопоставлению консервативного поворота западным демократическим ценностям (Temkina, Zdravomyslova 2014, Шнырова 2012; Кондаков 2013), а также разделению академического истеблишмента и “уличного” активизма (Тартаковская 2008). Однако, в актуальном научном дискурсе современные низовые феминистские инициативы в Санкт-Петербурге представлены в неполной мере.

При анализе феминистского пространства в Санкт Петербурге я опираюсь на концепцию *grassroots*, предполагающую наличие высокой мотивации участниц инициатив при низком уровне структурной организации (D. Della Porta, M. Diani, 1999). В качестве основной аналитической категории в работе используется концепт *сцены*, то есть

² <https://openrussia.org/notes/707161/>

коллективно конструируемой реальности, (транс)локальной структуры, трансформирующей участниц в сообщество, основанное на разделяемых интеракциях и смыслах (Hodkinson 2002; Glass 2012). Работа выстроена в логике *солидарного подхода*, с акцентом на ключевых линиях ценностно-культурных напряжений в межгрупповых коммуникациях (Омельченко, 2013).

В исследовании использованы результаты проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенческих отношений», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.³

Этнографическое исследование проходило в два этапа: с ноября 2015 года по март 2016 года, затем с середины января 2017 года по конец февраля 2017 года. Всего было собрано 29 полуструктурированных биографических интервью с участницами низовых феминистских инициатив Санкт-Петербурга, а также с автономными активистками в возрасте от 17 до 39 лет.

Данные, собранные в ходе глубинных интервью, подкреплены дневниковыми записями этнографического наблюдения (октябрь 2015-февраль 2017), в рамках которого были рассмотрены следующие феминистские инициативы в Санкт-Петербурге: феминистский швейный кооператив «Швемы», инициатива «ЛефтФем», проект «Рёбра Евы», Фем-секция единоборств, феминистский дискуссионный клуб «Фем-встречи в Санкт-Петербурге», феминистская библиотека «ФемИнфотека», фестивали «LaDIY Fest» и «QueerFest».

Исследование выстраивается в традиции качественной методологии: интерпретация собранных данных предполагает реконструкцию опыта информанток, при этом создание универсальных объяснительных моделей не входит в задачи работы.

Анализ эмпирического материала показывает, что разрозненная феминистская сцена Санкт-Петербурга часто становится полем для многочисленных разногласий и противостояний среди участниц. Прежде всего, об этом свидетельствуют ожесточённые споры, которые ведутся феминистками в социальных сетях. По словам информантки:

«ведётся даже не дискуссия, а такое вот перебивание друг друга или там переходят на личности. Ну это ужасно как бы, я считаю это неприемлемым, ну в работе именно.» (И. №1, 29 лет.)

³ НИУ ВШЭ при этом выступает партнером в международном проекте «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe», реализуемом в рамках программы исследований и инноваций Европейской комиссии ГОРИЗОНТ 2020 в 2016-2019 годах.

В то же время, для большинства феминисток оказывается значимой критика авторитарности и любых иерархий, выстраивание горизонтального пространства коммуникации внутри инициатив. Подобные ценности соотносятся с важностью создания безопасного пространства:

«на самом деле любое равноправное общение оно как бы более комфортно, то есть с той точки, что тебя никто не ставит на место, не говорит, что делать» (И. №1, 29 лет.)

Другая информантка следующим образом описывает коллективную работу одной из феминистских инициатив Санкт-Петербурга:

«это все горизонтально, мы все всё вместе обсуждаем, <...> то есть, каждый делает там посильно, с пониманием относится, если кто-то на какой-то момент выходит по каким-то своим личным причинам, не может в какой-то момент поучаствовать, то есть как бы, в этом нет никаких проблем, в общем, это горизонтальная и динамичная при этом структура» (И. № 3, 22 года)

Однако, внутри феминистской сцены власть распределяется неравномерно: в зависимости от степени включённости в инициативы, наличии социальных связей и активности в онлайн-пространстве, в рамках сцены возникает «ядро»: центральные фигуры, неформальные лидеры. По словам информантки:

«с другой стороны, достаточно сложно оставаться именно в этих равноправных отношениях. Очень сложно, чтобы в коллективе не появлялся там, стихийный лидер и не начинал командовать.» (И. № 1, 29 лет)

Другая информантка рассказывает об одной из активисток, включённых в «ядро» феминистской сцены:

«я не вижу в этом ничего плохого, просто это не сопоставимо, когда один хочет сам все решать, а другой хочет консенсус. <...> она очень сильная, она очень яркая.» (И. № 4, 32 года)

Такие представительницы «ядра» сцены осуществляют контроль безопасности пространства внутри инициатив, производя дискурсивную власть и разделяя участниц инициатив на «легитимных» и «нелегитимных». Так, феминистка, чьи убеждения не совпали со взглядами неформального лидера одной из инициатив, рассказывает:

«мы с ней расходимся во взглядах на феминизм. Я надеялась, что войду в наше сообщество, что у меня будет много таких друзей и мы сможем что-нибудь сделать, например, вместе. Как-то не особенно сложилось.» (И. № 5, 27 лет)

При этом, разделение на «хороших» и «плохих» участниц, на «правильных» и «неправильных» особенно ярко проявляется в онлайн-пространстве:

«есть как бы ряд пабликов, в которых феминистки находят предательниц среди феминизма, и вот они составляют списки антифеминистских ресурсов и антифеминистки, я там даже есть.» (И. № 6, 26 лет)

Одной из основных линий ценностно-культурных напряжений grassroots феминистской сцены Санкт-Петербурга оказывается отношение участниц к коммерческому сексу как к свободному выбору, либо как к принуждению, представляя собой частью обширного поля «феминистских секс-войн» (Showden 2016).

Для неоаболиционисток (сторонниц внедрения шведской модели криминализации клиента), коммерческий секс представляется вредоносным, «ненормальным», «неестественным» явлением, следствием патриархального угнетения и приравнивается к принуждению и насилию. По словам информантки:

«всё-таки не стала бы это называть профессией. Всё-таки эта деятельность связана с нарушением твоих личностных границ и всё-таки так или иначе она начнёт тебя угнетать. Многие девушки сидят на наркотиках, выпивают, чтобы как-то легче это пережить. <...> Ну в принципе пока женщина воспринимается как товар, мне кажется, это так и будет оставаться.» (И. №7, 25 лет)

Для оппоненток неоаболиционизма принятие возможности свободного выбора работниц коммерческого секса оказывается средством для сексуального освобождения людей. В их нарративах важной категорией становится агентство секс-работниц. Так, например, информантка говорит о своём собственном желании заниматься коммерческим сексом:

«есть люди, которые действительно хотят это делать. Если были бы нормальные условия, я очень много думала над тем, чтобы самой это делать.» (И. №5, 27 лет)

Другая информантка также подчёркивает важность возможности действовать независимо и совершать свободный выбор, определяя коммерческий секс как трудовую деятельность:

«я знаю людей с опытом секс-работы, или которые рассматривают эту работу как вариант.» (И. №6, 26 лет)

В восприятии информанток подобный труд отличается от насильственного вовлечения и международной сексуальной работоторговли (трафика), при этом характеризуется как рискованный, но сам по себе не представляющий «ненормальную» практику:

«трафик – это серьёзная проблема, трафик людей и всё прочее, но я считаю, что сексуальная работа должна быть легализована <...> нужно создать безопасные условия для работы девушек, ну и мужчин тоже, когда это находится в тени, это по-любому бьёт девушек» (И. №5, 27 лет)

В то же время, многие феминистки имеют неустойчивые позиции в отношении к коммерческому сексу. Именно их голоса оказываются не слышны в публичном дебате. По словам информанток:

«своё отношение личное я как бы не сформировала по этому вопросу и я не уверена, что в ближайшее время его готова сформировать» (И. №9, 29 лет)

«я не хочу, чтобы меня перетягивали куда-то. Не хочу в принципе про это спорить» (И. №10, 26 лет)

Такие участницы сцены отказываются принимать чью-либо сторону в дискуссиях о коммерческом сексе, ощущая бессилие в невозможности что-либо изменить на структурном уровне. Так, информантка рассуждает о политике криминализации клиента: *«Это просто ещё один закон, который будет не работать и будет использоваться, как все законы в России» (И. №8, 25 лет).*

Отношение к коммерческому сексу оказывается важным маркером для обозначения границ «свои» - «чужие» в феминистском пространстве: по словам информантки, *«куча феминисток поломали на этом копья, ненавидят друг друга» (И. №9, 29 лет).* При этом, данный дебат соотносится с более широкой дискуссией о сексуальности.

Восприятие различных сексуальных идентичностей также является важным вектором солидарностей и противоречий в отечественной феминистской сцене. Например, информантка рассуждает о возможности участия трансгендерных людей (транс-инклюзивности) в одной из оффлайн-феминистских инициатив:

«ну у нас особо не любят ну трансов, наверное. Ну я к ним отношусь нейтрально, мне всё равно, в принципе. Ну то есть угрозы какой-то я в них не вижу совершенно. Столько споров идёт насчёт этого, я это не разделяю совершенно. Есть ну враги намного серьёзней...» (И. №11, 21 год)

Другая информантка рассказывает о политике одной из русскоязычных феминистских онлайн-групп, в которой важны такие нормы, как отрицание гетеросексуальных отношений, невозможность включения в инициативы мужчин и трансгендерных людей:

«они могут добавить в этот чёрный список женщин, которые говорят, что некоторые женщины предпочитают отношения с мужчинами <...> они публикуют какие-то материалы о том, какие мужчины плохие и ещё какие трансгендерные предательницы и предатели». (И. №6, 26 лет)

В то же время, трансфобия, гомофобия, исламофобия и любые другие проявления ксенофобии часто критикуется участницами феминистских инициатив:

«просто много активисток там не знаю, которые транс-людей не приемлют, ну и так далее, просто много жести, там гомофобок, и ну и просто людей, которые умудряются свои ну акции как бы делать, ну вот за все хорошее, но вот во имя яркости каких-то образов, ну не рефлексиируют как бы как они, ну вот помимо, помимо феминизма там ничего не видят, могут там эксплуатировать образы там исламских женщин и так далее» (И. №3, 22 года)

Такая критика, связываемая с борьбой против любых видов дискриминации, является характерной для феминистской сцены Санкт-Петербурга: один из лозунгов, прозвучавший на феминистском митинге 8 марта 2017 года представлял собой следующее требование: *«долой фашизм, гомофобию, сексизм!»*.

Кроме того, важным элементом противоречивых дискуссий среди низовых феминисток Санкт-Петербурга является стремление к созданию безопасного male-free пространства, либо инклюзивности мужчин-профеминистов. Так, информантка объясняет невозможность участия мужчин в одной из феминистских инициатив Санкт-Петербурга, обращаясь к эссенциалистской риторике доминирования мужчин над женщинами:

«Ну кто враг может быть для феминистки? Ну всё-таки мужчина» (И. №11, 21 год)

В то же время, феминистки, поддерживающие инклюзивность мужчин, объясняют свои позиции через вредоносное влияние патриархата на всех людей, вне зависимости от гендерной идентичности, настаивая на необходимости солидаризации:

«Мы можем вполне прийти совместно к существованию, в котором будет хорошо и мужчинам и женщинам, мы можем избавиться и от гендерных стереотипов, которые частично давят как бы и на мужчин (И. №6, 26 лет)

«только вместе мы можем как бы вместе там мужчины и женщины, они могут стать феминистами они могут преодолеть вот этот патриархальный барьер, который мешает всем жить, не только женщинам, но и мужчинам тоже» (И. №12, 27 лет)

Таким образом, противоречия и разногласия, возникающие в феминистской сцене Санкт-Петербурга нередко приводят к серьёзным конфликтам, но в то же время свидетельствуют о росте осознанности участниц.

Несмотря на то, что важной ценностью для большинства инициатив является выстраивание горизонтального безопасного пространства, в сцене существует «ядро», включающее в себя наиболее видимых в публичном (онлайн и оффлайн) пространстве феминисток. Часто они являются неформальными лидерами, производя дискурсивную

власть и осуществляя контроль над «аутентичностью» других участниц сцены в условиях идеологических противоречий.

Основными векторами солидарностей и противостояний являются отношение к коммерческому сексу как к принуждению или осуществлению свободного выбора, толерантность к различным сексуальным идентичностям или проявление ксенофобии, создание male-free пространства или возможность включённости мужчин в феминистские инициативы. Принятие или отрицание тех или иных ценностей и норм озвучивается в дискуссиях, которые разворачиваются в основном в интернет-пространстве и представляют собой целый спектр мнений и позиций, проявляющийся не в дихотомических ценностных оппозициях, а в смысловых континуумах солидарностей.

Библиография:

1. Кондаков, А. (2013). Дерадикализация российского феминизма, или как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. *Неприкосновенный запас*, 88(2): 67-81
2. Омельченко, Е. Л. (2013). Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст. *Социологические исследования*, (10), 52-61.
3. Тартаковская, И. Н. (2008). Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го. *Неприкосновенный запас*, (4).
4. Шнырова, О. (2012). Российский феминизм: ждать ли новой волны? *Неприкосновенный запас*, (3), 83.
5. Butler, J. (2011). *Gender trouble: Feminism and the subversion of identity*. Routledge.
6. Della Porta, D., & Diani, M. (2009). *Social movements: An introduction*. John Wiley & Sons.
7. Glass, P. G. (2012). Doing scene: Identity, space, and the interactional accomplishment of youth culture. *Journal of Contemporary Ethnography*, 41(6), 695-716.
8. Guest, C. J. (2016). Knowing feminism: the significance of higher education to women's narratives of 'becoming feminist'. *Gender and Education*, 28(3), 471-476.
9. Hodkinson, P. (2002). *Goth. Identity, style and subculture*. Berg Publishers.
10. hooks, b. (2000). *Feminism is for everybody: Passionate politics*. Pluto Press.
11. Hunt, T. A. (2016). A Network of One's Own Young Women and the Creation of Youth-only Transnational Feminist Spaces. *Young*
12. Jagose, A. (1996). *Queer theory: An introduction*. NYU Press.
13. Johnson, J. E., & Saarinen, A. (2013). Twenty-first-century feminisms under repression: Gender regime change and the women's crisis center movement in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 38(3), 543-567.
14. Kempson, M. (2015). 'My Version of Feminism': Subjectivity, DIY and the Feminist Zine. *Social Movement Studies*, 14(4), 459-472.
15. Kondakov, A. (2012). An essay on feminist thinking in Russia: to be born a feminist. *Oñati Socio-Legal Series*, Vol. 2, No. 7
16. Mackay, F. (2015). Political not generational: Getting real about contemporary UK radical feminism. *Social Movement Studies*, 14(4), 427-442.

17. Salmenniemi, S., & Adamson, M. (2014). New heroines of labour: domesticating post-feminism and neoliberal capitalism in Russia. *Sociology*.
18. Showden, C. R. (2016). Feminist Sex Wars. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Gender and Sexuality Studies*.
19. Seymour, K. (2012). Feminist practice: Who I am or what I do?. *Australian Social Work*, 65(1), 21-38.
20. Zdravomyslova, E. (2014, July). Gender's Crooked Path: Feminism Confronts Russian Patriarchy. In *XVIII ISA World Congress of Sociology (July 13-19, 2014)*. Isaconf.
21. Wiedlack, K. (2013). 'Do We Scare Ya'Cuz, We're Not Afraid To Fuck?': Queer-feminist Punk Countercultures, Theory, Art and Action. *GJSS Graduate*, 10(3), 15.
22. Willems, J. (2014). Why 'punk'? Religion, anarchism and feminism in Pussy Riot's Punk Prayer. *Religion, State & Society*, 42(4), 403-419.